Во сне он снова оказался в Азкабане. Он не был уверен, была ли это идея ошейника или напоминание о том, кто он такой, было ли это подтверждением того, что они, конечно же, охотились за ним... или осознанием того, что они знали, где он находится.

Конечно, они знали! Конечно, они просто рассчитали волны и догадались, где его могло выбросить на берег. Целую неделю он играл в эту невинную игру. Он играл с Какаши в мальчика и его собаку. Он жаждал его доброты, его заботы...

Но теперь он этого не заслуживал, не так ли?

Неужели он потерял цель из виду? Да и что это вообще за цель?! Неужели он был так самонадеян? Он ведь не верил, что сможет сразиться с целым народом, что сможет пройти мимо дементоров, мимо авроров, мимо преподавателей, мимо охранных механизмов самого Хогвартса и самого Дамблдора. Все они знали его виновным. А разве не таким он был? Виноват в том, что был дураком...

Самое безопасное место во всей Великобритании, а он... каким же дураком он был.

Он снова был в Азкабане. В кандалах, в оковах, в ошейнике, как животное. Питер убьёт Гарри, Ремуса и всё, чем Сириус до сих пор дорожил. Он не сможет никого защитить. Так же, как он не смог защитить Джеймса и Лили. Он умрет ненавидимым, предателем, убийцей, убийцей своего лучшего друга! Глупцом.

Он чувствовал их запах. Он чувствовал, как холод пробирается в его кости. Дементоры, бдящие за ним в предсмертные минуты. Единственные, кто заботился о том, чтобы проводить его. Попав в их руки, они больше не отпустят его. Первый, кому удалось сбежать из Азкабана... Да, конечно! Потому что никто больше не был настолько глуп, чтобы попытаться. Только он. По крайней мере, в этом отношении его родители были правы... Самонадеянный маленький дурак.

Они больше не позволяли ему превращаться в Падфута. Они позаботятся об этом, заберут единственную отсрочку, которая у него осталась... Во сне он снова переключился. Снова в человека. В Сириуса Блэка, разочарование для семьи Блэков, предателя для ордена и убийцу для своих друзей. Он проклял их гибель. Он...

Он уставился в единственный любопытный серый глаз. Что-то было не так. Он сразу понял это. Его тело не чувствовалось. Его зрение было не таким. Он не чувствовал ни запаха углей умирающего костра, ни реки, ни мальчика по другую сторону камина. Он чувствовал только запах собственного вонючего тела и тряпок, которые ему дали поносить 12 лет назад и потом стирали только раз в месяц, а чаще и этого не делали.

Подождите... Нет!

Он резко вскочил на ноги, внезапная паника вырвала дыхание из его горла.

Нет! Пожалуйста, нет!

Но он уже знал: его мольбы прозвучали слишком поздно. Он был слишком высок. Человеческого роста. Стоя прямо, он с трудом поднялся на ноги. Он так не привык к высоте, что его зрение сместилось, он перевесился, упал на четвереньки и затрясся. Его руки. Его грязные руки, прямо перед глазами. Заляпанные грязью. Человеческие руки.

Какаши - мальчик - тот добрый ребенок, который кормил его, заботился о нем и называл его другом! Мальчик тоже вскочил на ноги, когда Сириус поднялся на ноги. Теперь он возвышался над ним. Тот мальчик, добрый и заботливый, который ещё не успел вырасти. А Сириус, стоящий на четвереньках, смотрел на него сверху вниз.

Нононо! Этого не должно было случиться!

А ты чем думал? Идиот! Дурак! Конечно, вечно скрывать это было нельзя.

«Сириус Блэк», - произнес мальчик с явным акцентом, все еще борясь с двумя согласными «БЛ», следующими одна за другой. Словно он уже смирился с реальностью, что собака - его собака (Сириус по-прежнему носил шарф! Он удобно висел на шее, и все же - сейчас он казался тесным, словно тяжелая ноша и ответственность, которую он не мог нести). - превратилась в человека. «Ты».

«Нет...», - сказал Сириус, все еще отрицая. Он не пытался лгать. Он хотел бы... Он отчаянно хотел бы быть кем-то другим. Если бы он мог взять другое имя, другое лицо на несколько месяцев, он мог бы убить Питера, защитить Гарри. Может быть, он даже смог бы заставить Муни увидеть правду. Но у него не было такой возможности. Он был Сириусом Блэком, осужденным массовым убийцей. Жалкое, ненавистное, виновное существо. Он был проклятым и проклятым человеком, и как бы сильно он этого ни желал, он не мог изменить этот факт.

«Я вижу фотографию», - напомнил Какаши, разворачивая газету так, чтобы он мог видеть свое грязное, растрепанное лицо. На него это было не похоже. Он был похож на сумасшедшего.

Он и был сумасшедшим!

Сириус съежился, сгорбившись. Он не знал, что делать. Он был готов пойти на войну со всей страной, чтобы добраться до Гарри - неважно на что, лишь бы Гарри в конце концов оказался в безопасности. И вот, он даже не успел покинуть Норфолк, а этот мальчик... Который был добрым и заботливым...

Нет… Нет! Он не мог сдаться.

Он бросился на мальчика. Мальчик даже не успел отпрянуть. Совершенно неподвижно он смотрел на Сириуса, когда каторжник схватил его за воротник, потом за шею, потом…

Что, Мерлин, ты делаешь? Ты хочешь убить невинного ребенка? Единственного человека, который был добр к тебе за последние десять лет!

Как он мог стоять перед Гарри, или Ремусом, или самим собой… после того, как убил ребёнка, который был к нему только добр?

Нет… Я не могу…

Его руки переместились с шеи мальчика на плечи, вниз по груди, пока кулаки не уперлись в новую зеленую рубашку, которую Какаши купил только сегодня. Колени Сириуса подкосились. Он и сам не знал, сдается ли он, признавая свое поражение, или у него просто кончились силы. А может, и то, и другое. И то, и другое звучало правильно. Его руки были подняты и по-прежнему вязли в рубашке Какаши. Но его голова склонилась в ожидании.

**

http://tl.rulate.ru/book/105589/3962544